

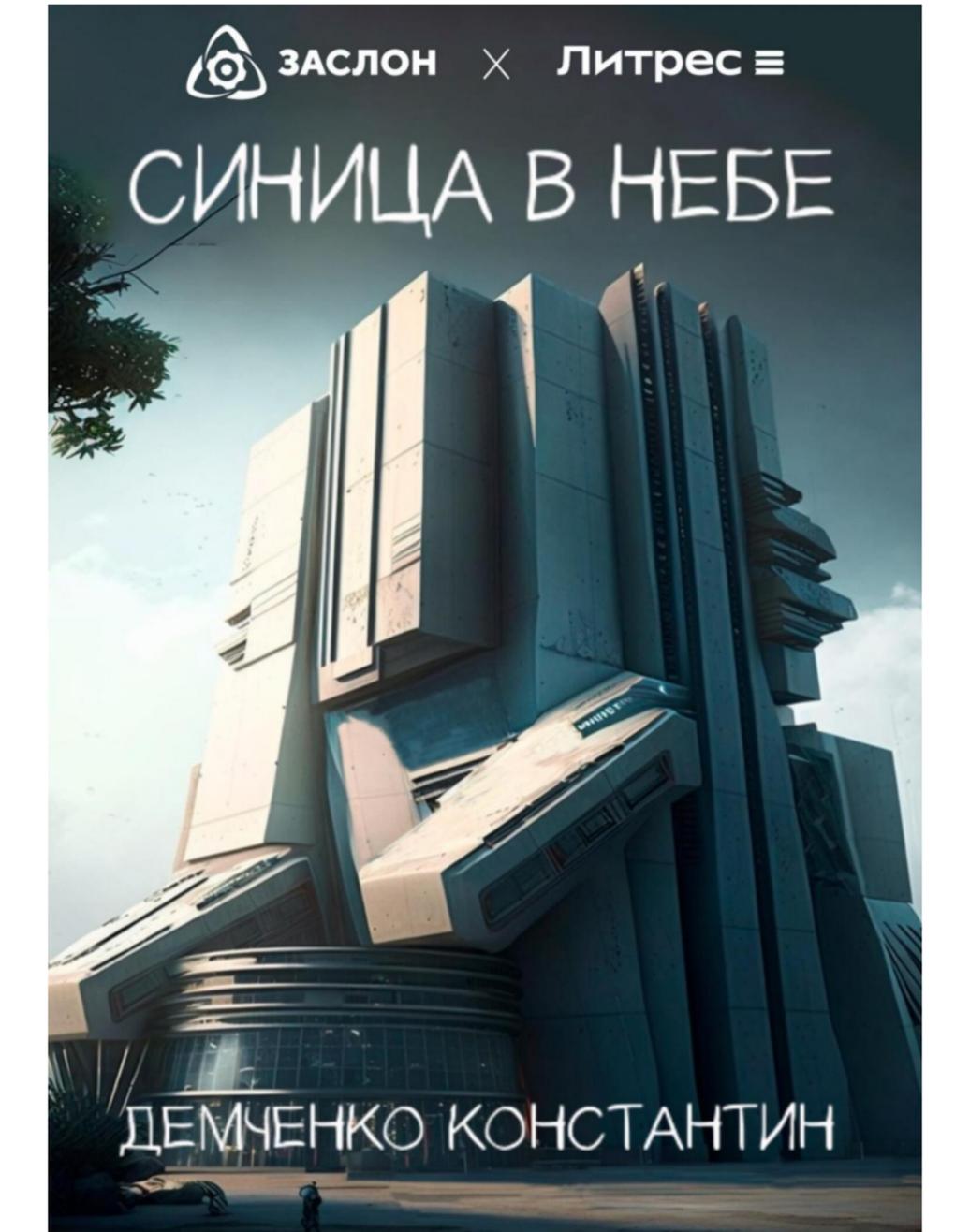

ЗАСЛОН

Литрес

СИНИЦА В НЕБЕ

ДЕМЧЕНКО КОНСТАНТИН

Константин Викторович Демченко

Синица в небе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69263428

SelfPub; 2023

Аннотация

Цепочка мелких совпадений приводит к тому, что мир нескольких десятков человек переворачивается с ног на голову. А потом они и вовсе уходят за грань... Кроме одного. Но он понимает, что надежды нет, он не склонен к самообману, он не сможет выбраться и снова увидеть пропитанное солнцем голубое небо... Если только снова не вмешается случай.

Константин Демченко

Синица в небе

Что правит миром? Случайность или судьба?

Вопрос, конечно, риторический, и я сомневаюсь, что когда-нибудь ответ на него найдётся, но тот майский понедельник положил приличный такой грузик на чашу весов с символом Фортуны.

Цепочка событий запустилась немного раньше, но ключевое, то самое, которое в последующем перевернуло (хотя, чего уж там – вывернуло наизнанку) жизни десятков сотрудников компании «Заслон» и стало вехой в развитии науки, произошло именно тогда.

Но, начнём с начала.

В субботу утром старший специалист технической службы лаборатории перспективных разработок под максимально неподходящим наименованием «Олуша», технарь от Бога, Нуруло Дзхураев, заведя двигатель своего «Соренто», услышал нехарактерный звук. Нуруло был человеком опытным и щепетильным, а потому сразу же позвонил в сервис. К своему удивлению, он был приглашён на диагностику уже через двадцать минут – не смог приехать один из записавшихся ранее. Диагностику провели быстро и похвалили хозяина за своевременное обращение: если бы не его тонкий слух, то, возможно, через тысячу-другую километров он бы

менял коленвал, а не копеечные вкладыши. Правда, машину пришлось оставить в сервисе, а по личным делам, для которых и нужны выходные, поехать на маршрутке, а потом и на метро.

Нуруло надо было выходить на «Чёрной речке», а на «Петроградской» в вагон зашёл студент-первокурсник Сергей Анисимов. Сергей был в медицинской маске, глаза его слезились, нос то и дело приходилось вытирать одноразовыми платками, а нездоровый румянец указывал на довольно высокую температуру. И пусть они провели рядом от силы минут пять, но этого хватило, чтобы усердно кашляющий в медицинскую маску и пару раз от всей души чихнувший Сергей не оставил Нуруло шансов, щедро одарив его, с детства неустойчивого к инфекциям, своими микробами.

Уже к вечеру Нуруло почувствовал недомогание, а к обеде воскресенья понял, что на работу завтра не пойдёт, о чём и проинформировал начальство – заведующего лабораторией Александра Ильича Григоренко. И заверил его, что все запланированные на понедельник работы в преддверии проведения ответственного эксперимента проведут его подчинённые, Иван и Эмилс, в которых он уверен, как в себе.

Александр Ильич пожелал Нуруло скорейшего выздоровления и, тоже ни секунды не сомневаясь в компетенции всех сотрудников подотчётной лаборатории, спокойно продолжил заниматься совершенно обычными домашними хлопотами.

А вышеупомянутый Иван в это время приехал в гости к будущей теще, которая, как обычно, накрыла богатый стол, дабы накормить дорогого зятя. Особенно Ивану нравились грибочки домашнего соления, которых он умял половину литровой банки. И всё бы ничего, но именно при засолке этой баночки, одной из многих и многих десятков, вышедших из умелых тёщиных рук, была допущена небольшая ошибка. И часов в десять, уже собираясь ко сну, Иван начал познавать цену той ошибки: тошнота и остальные прелести отравления погнали его поближе к белому фаянсовому другу. Выйти на работу следующим утром он, само собой, оказался не в состоянии.

Хорошо хоть у Эмилса никаких проблем не возникло, и он, как и положено, в восемь утра выехал из родного дома в сторону лаборатории. Выехать то выехал, но доехать до места назначения ему помешал водитель фуры, заснувший за рулём и перевернувший её, да так удачно, что перекрыл трассу в обе стороны. Эмилс прикинул, что на работу он попадёт не раньше, чем часа через три-четыре, накинул ещё часок на всякий случай, и «обрадовал» руководство.

Когда Александру Ильичу сообщили, что «слился» последний технический специалист, он крепко выругался про себя. Ругаться вслух было бы не комильфо: в тот момент он как раз находился на утреннем совещании. Всё шло к тому, что запланированный эксперимент придётся отложить, а делать этого жутко не хотелось. И тогда завлаб вынес проблему

на всеобщее обсуждение.

Весь коллектив, как один человек, высказался в том духе, что с технической точки зрения у них, как всегда, всё идеально. Кроме того, в пятницу в конце рабочего дня спецы и так всё проверили, а сегодняшние тесты – просто формальность, да и сам эксперимент уже далеко не первый. Правда, без свежей подписи технарей обойтись всё равно было нельзя...

Григоренко связался с коллегой из соседней лаборатории «Заслона» (хоть подразделение и другое, но все в одной команде, и всегда готовы помочь коллегам в случае форс-мажора), объяснил ситуацию, и уже через пятнадцать минут их техник, ничуть не меньший профессионал, чем Нуруло, начал тестирование и осмотр оборудования.

Он нашёл только одну, даже не неисправность, а мелкую неточность, на которую, в принципе, даже можно было не обращать внимания: один из предохранителей оказался чуть меньшей мощности, чем положено было по инструкции. Само собой, предохранитель он заменил, и доложил, что оборудование готово к работе на сто процентов.

Препятствий для начала эксперимента более не наблюдалось.

Вот только Нуруло бы этот предохранитель заменять не стал.

***

– Синицкий, что у нас с показателями? Давай по порядку.

– Однёрка – норма, двойка – норма, тройка – норма, четвёрка – отклонения... в пределах нормы, пятёрка норма, – бодро ответил я. – Готовы, Александр Ильич!

У нас в лаборатории старше тридцати только завлаб, а я самый молодой из учёной молодежи и потому отвечаю за все технические моменты и научную «бытовуху». Но я не против: во-первых, почему бы и нет, а во-вторых, эта ответственность не на уровне «принеси-подай», а с полноценным включением во все процессы и правом голоса на всех собраниях. Да и вообще, однажды я случайно услышал, как Александр Ильич отзывался обо мне как о «молодом человеке с высоким потенциалом» и что «таких надо доводить до кондиции и ни в коем случае не отпускать», так что мотивация у меня разве что наружу не выливается. И меня несколько не обижает, что в коллективе я для всех (кроме, конечно, его женской части и завлаба) – «Синица». Я был юркой живой птичкой и в школе, и в универе, так что привык.

– Готовы они... – проворчал про себя Александр Ильич и ещё раз посмотрел на большой экран, разделённый на шесть частей, в каждой из которых одно изображение одного и того же места, но под разными ракурсами.

На белоснежном пластиковом столе стоят два стеклянных цилиндра, в основании которых находятся металлические площадки с весело мигающими диодными огоньками. Между собой они соединены стеклянной трубкой, а сверху пере-

ходят в металлические колонны, упирающиеся в потолок.

В одном из цилиндров на вершине тонкой ножки лежит стеатитовый кубик.

Когда-то этот кубик и его близнецы-братья охлаждали виски в стакане завлаба, который он любил пригубить по завершении рабочего дня. Но Александр Ильич от алкоголя отказался совершенно, и кубики были подарены кому-то из коллег. А один отправился прямиком на лабораторный стол и стал главным подопытным во всех экспериментах. На самом деле, никто не знал, почему именно он оказался на этом месте, а не шарик для пинг-понга, монетка или ещё какая-нибудь мелочовка – просто так сошлись звёзды.

Зато к сегодняшнему дню этот кубик вполне может претендовать на статус абсолютно уникального. За последний год он семь... нет, восемь раз переносился из одного цилиндра в другой, и при этом его не касались заботливые руки лаборантов. Он просто исчезал из одного цилиндра и оказывался в другом. Телепортация, однако.

Больше тридцати лет назад прошла первая экспериментальная телепортация фотона, двадцать лет назад его отправили на спутник в космосе, но с тех пор эта практика практически не сдвинулась с места. Ну да, добавили пару тысяч километров к достижению китайцев, ну сработали не с девятью сотнями фотонов, а с девятью тысячами, уже даже с девятью миллионами, но количество никак не переходило в

качество. Разве что, квантовый интернет уже точно стал делом техники и совсем чуть-чуть времени. Но телепортация фотонов оставалась лишь «так называемой телепортацией» и не более того. А перемещение даже отдельно взятого атома не поддавалось лучшим человеческим умам и миллиардам долларов, рублей и юаней, что уж говорить о переносе почти невообразимого их скопления в любом предмете, который можно пощупать.

Но всё изменилось, когда в одной из лабораторий «Заслона» некий Александр Григоренко, тогда ещё ведущий сотрудник, а не завлаб, решил попробовать внести незначительные изменения в лазерную установку, гоняющую фотоны туда-сюда, насытить рабочую зону микроволновым и терагерцевым излучением, «поиграть» с комбинациями всех имеющихся факторов. Чудеса от этих «игр разума» не ожидалось, но они произошли, как, собственно, частенько бывает в науке.

Телепортации подверглись не фотоны, и даже не одиночные атомы, а частички лабораторного стола. Луч лазера потерял фокусировку, рассеялся и вышел за пределы рабочей зоны. При последующем осмотре обнаружилась еле заметная выемка в поверхности стола, которой раньше не было. Казалось бы – мелочь, но в экспериментах мелочей не бывает, и сотрудники лаборатории начали тщательный осмотр. И не зря: Александр занялся инспекцией рабочих зон и очень скоро обнаружил тонкую слегка выпуклую пластиковую пла-

стину там, где её не должно было быть – под вторым цилиндром. Долго думать, откуда она взялись, не пришлось – она идеально поместилась в выемку под первым.

Так и свершился прорыв.

В процессе работы отказались от использования классического лазера и перешли на некий гибрид его с мазером и генератором плазмы собственного изготовления. Официально обозвали эту штуку ЛМП-1, не особенно заботясь о благозвучности названия, но для всех причастных она была просто «лампой». А когда рядом не было завлаба – «лампочкой Ильича».

С тех было проведено уже более сорока экспериментов, и «лампа» была готова «зажечься» в очередной раз.

– Обратный отсчёт, – скомандовал Александр Ильич.

Я вставил ключ, набрал нехитрую цифровую комбинацию на экране, нажал на кнопку «Пуск» и переключил тумблер (многофакторная «защита от дурака» необходима, даже если вокруг одни гении).

Секунды потекли вспять.

Как только единица сменилась нулём, на экранах появился лазерный луч, выходящий из верхней части колонны, ближе к основанию он окунулся в рассеиватель и накрыл собой стеатитовый кубик...

***

Когда закончился обратный отсчёт, электроны побежали по проводам, послушно выполняя отданную команду. Вот только по каким-то причинам в момент запуска случился небольшой перепад напряжения, и до предохранителя, заменённого техником чуть больше часа назад, добрался ток большей мощности, чем было положено. Старый предохранитель выполнил бы своё предназначение и сгорел, прекратив тем самым процесс, но этот проглотил и пропустил ток дальше, а потому сгорел диодный мост. И вроде бы ничего не должно было произойти, ведь все системы дублированы, и такая мелочь уж точно не должна сказаться на работе установки...

Но сказалась. Произошёл некритичный программный сбой, всего лишь на миллисекунду вмешавшийся в тончайший процесс эксперимента.

***

Показатели всех приборов и датчиков прыгнули в запрещённые диапазоны, мигнул свет, настолько быстро, что даже не все сотрудники лаборатории это заметили, луч лазера исчез...

– Что это было? – первым нарушил молчание Григоренко.

– Перепад напряжения, скорее всего, – ответил один из сотрудников. – Сейчас всё в норме.

– Я и сам вижу, что сейчас в норме. Меня интересует, почему было не в норме. Лапенко!

– Уже смотрю, – откликнулся уткнувшийся в монитор лопухий и веснушчатый Игорь Лапенко. – Так... Диодный мост в третьем контуре сгорел, потом лаги вижу... «Лампа» сработала в нестандартном режиме, запросил отчёт... Сейчас-сейчас... Плотность... Когерентность... Пик... Ого!

– Что такое? – вскинулся Григоренко.

– Что такое... Чертовщина, вот что.

– Что за терминология, Лапенко? Ты учёный, или где?

– Я-то учёный, но то, что я здесь вижу...

Но дальнейший разговор прервался приглушённым сигналом тревоги. К счастью, не «красным», так что бежать сломя голову всем присутствующим нужды нет.

Александр Ильич поднялся со своего места, подошёл к двери, набрал код и, уже переступив порог, распорядился:

– Разбирайтесь.

Примерно через полчаса прозвучал ещё один сигнал, означающий общий сбор, и нам пришлось оторваться от изучения графиков, длиннющих колонок с цифрами и, к сожалению, пока невразумительных аналитических отчётов управляющего процессора.

Войдя в конференц-зал, я сначала слегка оторопел, увидев сколько народу собралось. Явились все научные сотрудники лаборатории, немногочисленный обслуживающий персонал и охрана, причём пришли четверо из шести имеющих эсбэшников. Я посмотрел на лица присутствующих и от-

метил, что охрана на фоне всех, недоумевающих, спокойных или сосредоточенных, выделяется бледными застывшими лицами.

Пригляделся. А в глазах у них что? Как будто бы страх? Ну, как минимум, крайняя озабоченность. И что же могло произвести такое сильное впечатление на профессиональных бойцов (а другой охраны в «Заслоне» не держат), прошедших не одну горячую точку или отслуживших в спецподразделениях?

Александр Ильич откашлялся, прочищая горло, сделал глоток из стакана и, обведя взглядом всех присутствующих, начал:

– Коллеги, мы собрались по очень важному поводу. Я прекрасно знаю всех присутствующих и уверен, что какой бы ни была информация, которую я сейчас сообщу, все будут сохранять спокойствие, бодрость духа и веру в успех.

Выглядит он так, что ясно – ему тоже не по себе, но он сумел сохранить открытый взгляд и уверенный голос.

– Проводимый сегодня эксперимент прошёл нештатно, и в итоге мы получили с одной стороны неожиданный, а с другой – превышающий все наши самые смелые ожидания результат. Надо ещё всё изучить и проанализировать, но предварительно могу сказать следующее: в процессе эксперимента зона телепортации многократно увеличилась в объёме, и весь лабораторный корпус с прилегающей территорией был перенесён в пространстве. Поле сработало так же, как в на-

ших предыдущих экспериментах, и образовало сферу с лабораторией в центре, её диаметр составил порядка пятисот метров.

В зале повисла мёртвая тишина, но истерик и криков «всё пропало» не последовало. У меня тоже сначала перехватило дыхание и мысли заметались в голове, как бешеные, но очень быстро я успокоился. После переноса не было слышно взрывов или чего-то подобного, ничто не разрушилось, а значит, всё не так плохо, как могло бы быть.

– Можно сказать, что все мы родились в рубашке, – подтвердил мои измышления Александр Ильич, – так как сфера материализовалась выше уровня поверхности, и фундамент не пострадал. Может, он и не мог пострадать, но это тема для дальнейшей нашей работы... Повреждены коммуникации – канализация, водопровод, кабели энергосистемы, так что сейчас лаборатория работает на генераторе. Кстати, по окончании собрания я прошу всех отключить от сети всё, работа чего на данный момент не имеет критического значения. Это не касается только охранных систем.

А вот эта фраза меня зацепила. Если есть необходимость в экономии, значит лаборатория телепортировалась в место, где возможны проблемы с обеспечением её функционирования. И что там за стенами, в таком случае? Сибирь? Сахара?

– Нам ещё предстоит определить, где именно мы оказались, пока что можно сказать, что точно за пределами России, судя по нехарактерной растительности. Мы не выходи-

ли наружу, осмотр производился через систему видеонаблюдения.

Я приподнял руку с наручными часами – сигнал стационарной сети горит. Ткнул в экран и запустил обновление данных по погоде, но значок крутанулся и загорелся красным. Сигнал есть, а сама сеть недоступна. Значит, мы и правда оказались где-то у чёрта на куличках.

– Итак, коллеги, план действий следующий. Научные сотрудники – изучают инцидент, лаборанты и обслуживающий персонал – ревизия продовольствия, иных запасов, проверка всех систем, на службе безопасности – контроль периметра и разведка местности. Ответственные руководители соответствующих служб, доклады мне по мере выполнения задачи или каждый час. Я настоятельно прошу всех не пытаться покинуть территорию лаборатории. Как только появится новая информация, все будут извещены. Вопросы пока что не принимаются. В конце хочу сказать только одно: мы – лучшие в своём деле и обязательно решим все возникшие сложности. Спасибо.

Александр Ильич осмотрел застывшие лица присутствующих, выждал пару секунд и коротко закончил, добавив в голос изрядную порцию стали:

– Коллеги, работаем.

Все сразу встрепенулись и начали расходиться по рабочим местам.

Я тоже побежал к себе: кое-что прояснилось и теперь мож-

но вернуться к отложенным графикам и цифрам. Правильно Ильич сказал – каждый должен заниматься своим делом. По крайней мере, пока не появились дела более насущные.

В следующий раз сирена, приглашающая проследовать на общий сбор, прозвучала через несколько часов. Я, да и все мои коллеги, настолько погрузились в работу, что даже не сразу его услышали, а услышав, ещё пару минут не могли оторваться от экранов и своих каракулей, испещривших распечатанные листы с данными.

Потому, когда мы зашли в зал, оказались последними.

Но Александр Ильич лишь взглянул на нас, ничего не сказав про витающую в электромагнитных облаках учёную молодёжь, и обратился к залу:

– Коллеги, как и было сказано, до вас будет доводиться информация по мере её появления. Я не собираюсь ничего скрывать или недоговаривать, ибо ситуация такова, что только от нашей слаженной работы зависит дальнейшее будущее каждого из нас. В результате разведки местности, за пределами зоны переноса обнаружена флора и фауна, которую мы не смогли идентифицировать. Сотрудники нашей службы безопасности, конечно же, не биологи или зоологи, но их учили выживанию в различных климатических зонах, так что их мнению я склонен доверять на сто процентов.

На сей раз в зале присутствует только двое эсбэшников, и лица их не бледны, но мрачны.

– К сожалению, один из сотрудников службы безопасности подвергся воздействию, – завлаб запнулся и вздохнул, – чего уж там, нападению представителя местного животного мира... или растительного, мы не разобрались. Предположительно, он был отравлен. Сейчас он находится в медицинском боксе под наблюдением, мы ввели антидот, лекарства... ждём.

Это вот «ждём», словно консервным ножом, вскрыло стену, которую возвёл вокруг себя Александр Ильич. Налитое болью и сожалением, оно метнулось наружу, но тут же было поймано и засунуто обратно, а на стену завлаб сразу же прилепил заплатку.

Оно и понятно: перспективы пострадавшего, скорее всего, печальны. Медиков в штате лаборатории не имеется. Его лечением наверняка занимается кто-то из СБ, по долгу службы прошедший начальную медицинскую подготовку. А лабораторный медицинский бокс, хоть и оборудованный почти по максимальному стандарту А033, рассчитан на то, что квалифицированную медицинскую помощь окажут в ближайшее время.

Но спасибо и на том, что есть. В кои-то веки я с благодарностью вспомнил жутко дотошную и въедливую службу контроля, благодаря которой в аптечках всегда имеются не просроченные лекарства в расчёте на весь персонал лаборатории плюс двадцать пять страховочных процентов, такие вещи, как мазь от обморожения и от ожогов, антидоты от са-

мых распространённых ядов, диагностическая аппаратура и кое-то ещё по мелочи.

– Мы предполагаем, – продолжил Александр Ильич, – что наш комплекс был перенесён за пределы планеты Земля. Что это: параллельная вселенная или планета другой галактики – мы не знаем. А потому я готов обозначить основные приоритеты на ближайшее время. Первое: обеспечение жизнедеятельности людей. Второе: обеспечение функционирования лаборатории. Если мы смогли один раз, пусть и случайно, реализовать телепортацию, то сможем и второй – я верю в силу нашего разума. Для этого надо сохранить жизнь и здоровье наших сотрудников – я верю в силу нашей воли. Не важно, где мы – в миллионах световых лет от Земли или на другой плоскости многомерного пространства, мы сможем. Работаем, коллеги.

Все снова разошлись по рабочим местам, правда я заметил, что на этот раз новости восприняты значительно тяжелее. Мне и самому не по себе... Хорошо, конечно, что босс в нас верит, но мы же не маленькие и понимаем, что повторить результаты неудачного эксперимента можно далеко не с первого раза. Может, даже не с тысяча первого. А ресурсы у нас не безграничны. И, прежде всего, возникнут проблемы с энергией. На сколько хватит дизеля для генераторов? Если я правильно помню, по регламенту лаборатория должна жить на них до месяца. Но в регламенте не подразумевает-

ся при этом активная экспериментальная деятельность. Пиковая нагрузка в момент эксперимента разрядит накопители почти в ноль, после чего их надо будет заряжать не меньше суток. Есть ещё солнечные батареи, но если перейдём на них, то зарядка будет занимать и того больше. А продукты и, самое главное, вода будут подходить к концу, причём очень быстро – у нас хоть и есть своя столовая, но запасов там, уверен, совсем немного.

В общем, пока я шёл до лаборатории и первые пять минут внутри, меня одолевали мысли довольно-таки приземлённые, но вскоре я с головой погрузился в процесс и забыл о вещах, не имеющих прямого отношения к поставленной задаче. Впрочем, так же, как и все мои коллеги. Через некоторое время Александр Ильич, распределив повседневные обязанности и передав бразды правления тандему старшего охраны и завхоза, тоже к нам присоединился.

И началась работа.

Минуты и часы сливались в одну бесконечную ленту. Мы практически не покидали пределов лаборатории, зачастую даже спали прямо на полу под своими рабочими столами. Ели тут же, в общем, выбирались наружу только для справления естественных надобностей. Кстати, для этих целей обустроили хорошо защищённое место на свежем воздухе, недалеко от корпуса и на достаточно большом расстоянии от границы с иным миром. Но даже в эти редкие минуты мы ходили, как сомнамбулы, погружённые в расчёты, не замечая

вокруг ничего и никого.

Жизнь текла мимо нас, почти не задевая своими обжигающими волнами, но долго так продолжаться не могло...

На этот раз роль сирены общего сбора сыграл Михаил.

Он зашёл к нам в лабораторию и какое-то время пытался встрять в жаркий спор, в который мы ушли целиком, а потом подошёл и ударил по крышке стола кулаком так, что на нём бумажки подпрыгнули.

– Александр Ильич всех собирает, – произнёс он в наступившей тишине. – Все в конференц-зал. Сейчас.

Мы сдались не сразу, попробовали повозмущаться, кричали, что мы «на пороге», «ещё чуть-чуть», но Миша нас не слушал, и в итоге всё равно пришлось идти.

Я вошёл, всё ещё недовольный, но, как только увидел собравшихся, сразу забыл о недописанных формулах.

Сначала меня поразил их внешний вид. Худющие, с иссиня-чёрными кругами под глазами, ввалившимися щеками, одежда на всех висит, как будто под ней остались только кости. Получше выглядят только несколько человек, включая моих коллег-учёных. Потом я осознал, что людей собралось очень мало. Пересчитал – одиннадцать. А было больше тридцати. Где остальные? Заняты?

– Присаживайтесь, – тихо проговорил Александр Ильич. – Теперь места хватает.

Все расселись на кресла, стоящие вдоль стен, а Александр

Ильич вытащил своё на середину, но садиться не стал, оперся на спинку и ещё раз посмотрел на каждого.

– Здесь все, кто остался, кроме дежурного на входе. Итого нас двенадцать человек. Остальные погибли. Земная пища и вода кончились, мы уже довольно давно на инопланетной диете. Да-да, коллеги, – обратился он к нам, лабораторным затворникам, – мы потребляем неизвестную науке пищу и пьём местную воду, – он сделал паузу и с тяжёлым вздохом продолжил: – На поиске годных в пищу продуктов мы потеряли семерых. По этой причине наш рацион ограничен: всего несколько видов растительных плодов, которые к тому же встречаются не так часто. Больше мы не имеем права рисковать жизнями людей. Хотя мы и раньше такого права не имели... Все пробы совершались добровольно... – ещё один вздох. – Девять человек погибли в результате контакта с местной флорой и фауной. Пятеро не вернулись из рейдов, пропали без вести – думаю, их тоже можно причислить к этим девятерым...

Слушать Александра Ильича тяжело. Я всё это время не знал, что происходит за стенами лаборатории, какой ценой достаются мне тарелки с едой. А ещё я понял, почему мои коллеги-учёные и два сотрудника охраны выглядят лучше других, – просто пайки перераспределялись в нашу с ними пользу. Учёным нужна энергия для мозга, а бойцам – для вылазок за периметр. Остальным же доставалось ровно столько, сколько нужно для функционирования организмов.

– Топливо для генераторов закончилось, так что теперь можно рассчитывать только на солнечные батареи. Проведение экспериментов возможно только раз в неделю. Но теперь нам не хватает рабочих рук, так что в лаборатории будем работать по очереди, парами. Несмотря на опасность, нам необходимо расширить зону поиска пищи – всё, что было в округе, мы уже собрали. А в остальном, цели наши не изменились – работаем над возвращением домой. И я по-прежнему в нас верю...

Александр Ильич погиб через два дня после этого выступления.

Он с Надеждой, одной из двух оставшихся в живых женщин, пошёл набрать воды – ручей весело журчал всего в нескольких метрах от границы, и это считалось одним из самых безопасных мероприятий. Завлаб сам настоял – его старались меньше привлекать к любого рода вылазкам, в первую очередь, в силу его руководящей роли, а он хотел делать максимум полезного. Надежда потом рассказала, что они вместе подошли к ручью, и Александр Ильич поскользнулся и ступил в воду. Буквально через пару секунд он вскрикнул, выдернул ногу, как будто его укусили, не удержал равновесия и упал на спину, очутившись в воде по пояс. Надежда ухватила его за руки и попыталась вытянуть, одновременно зовя на помощь, и у неё почти получилось, но было уже поздно. Когда мы прибежали, Александр Ильич уже

не подавал признаков жизни, тело одеревенело, а кожа сильно потемнела – явный признак воздействия сильнодействующего яда. Ну, или какого-нибудь зловредной бактерии.

Похоронили Александра Ильича в тот же день.

А Надежда пережила его совсем ненадолго: просто не проснулась утром. Тело её стало жёстким, кожа почернела... Те же симптомы, что у Александра Ильича.

И для всех остальных это плохой знак. Когда человек погибает от укуса ядовитой твари, всё просто и понятно, а вот когда умирает во сне, то почти наверняка причина смерти в невидимых глазу бактериях. И очень может быть, что они уже проникли и в организмы остальных. Как так могло получиться – непонятно, но на то он и неизвестный мир со своими законами.

На следующий день мы с Колей, эсбэшником, и Игорем Лапенко ушли за периметр в поисках пищи, а остальные остались на хозяйстве. Можно было бы назвать вылазку удачной – еду раздобыли и достаточно много, на несколько дней точно можно растянуть, если бы не её окончание. Уже на перейдя границу, в нескольких десятках метров от входа, упал Коля. Мы с Игорем его подхватили, протащили ещё немного, но тут на землю повалился и он, а за ним и я не удержался на ногах и тоже оказался на земле. Побарахтавшись немного, выбираясь из-под удивительно тяжёлого тела, я вскочил и пару секунд беспомощно смотрел на лежащих без движения товарищей. Потом крикнул, позвал на помощь, ещё раз,

но уже тише, наклонился и приложил пальцы к шее Коли. Пульс не обнаружился. Кожа под пальцами начала стремительно темнеть, и я отдёрнул руку.

Минус ещё двое.

Я посмотрел на двери лаборатории, ожидая, когда же из неё выбежит хоть кто-нибудь, но они оставались закрыты.

– Эй, там! – снова прокричал я. – Сюда, помогите мне! Скорее!

В ответ кто-то резко и громко просвистел из зарослей. А вот из лаборатории так никто и не появился.

Очень нехорошее предчувствие зародилось где-то глубоко внутри, сердце сжалось, мелко задрожал подбородок, дыхание сбилось, воздух стал вырываться из глотки плотными тугими комочками. Я медленно пошёл ко входу, заставляя себя переставлять ноги, подтягивая их, волоча по траве, словно каждая весит по полсотни кило. Подойдя, я слегка потянул дверь на себя, и она поддалась, приоткрывшись на пару сантиметров.

Ладонь соскользнула с ручки и повисла вдоль тела.

Открыто... А не должно быть.

Простояв так ещё почти минуту, собираясь с силами и пытаясь унять охватившую всё тело дрожь, я всё-таки взялся рукой за край двери и потянул на себя.

В расширившуюся щель вывалилась кисть руки. Почерневшая.

Открыв дверь до конца, я увидел лежащее вниз лицом

тело. Женское. Значит, это Лена, моя коллега, она сегодня должна была работать в лаборатории. Зачем она здесь?

Последняя выжившая?

Или я себя накручиваю? Может, остальные в порядке?

Я заглянул внутрь проёма и увидел сидящего у стены Артёма, он заступил на дежурство, когда мы отправились на вылазку.

А Лена пришла сюда только для того, чтобы открыть дверь нам, последним выжившим... Последнему.

Я попятился, не отрывая глаз от его чёрного лица, споткнулся, сделав всего насколько шагов и упал назад, хорошо хоть успел выставить руки. Даже не понял, сильно ли я приложился копчиком. Так я и сидел не знаю сколько времени, смотря на него. А он смотрел на меня...

А в голове, сначала пустой, как барабан, начали роиться мысли, одна хуже другой.

Я теперь как Робинзон Крузо, вот только на проплывающий мимо корабль мне рассчитывать точно не стоит, и Пятница у меня не появится. Шансов выйти, наконец, на удачный эксперимент – ноль, шансов выжить – ноль. Даже шансов быть похороненным по-человечески – ноль. Только если заранее не подготовить себе местечко и не дежурить возле него в ожидании неизбежного...

Я смог-таки отвести глаза от лица Артёма и огляделся. Корпус лаборатории и ничтожный кусок родной земли, джунгли и бескрайность чужой...

«Это конец, на этой остановке ты и сойдёшь...», – про-
бормотал я.

Кладбище, тела моих товарищей и свистящие заросли...

Но, как ни странно, посмотрев снова на их тела, я начал действовать. Не задумываясь.

Для начала подтащил поближе к кладбищу тех, с кем ходил в джунгли. Затем отнёс полные ёмкости с продуктами в лабораторию, закинул всё в холодильник, и начал собирать погибших по всему зданию и вытаскивать их наружу. Через полчаса на земле лежали девять тел, все с одинаково тёмной кожей. Патологоанатом здесь не нужен – причина смерти одна на всех. Только я каким-то образом оказался невосприимчив к убийственному микробу. По крайней мере, пока.

По ходу дела я немного пришёл в себя и обозначил план действий на ближайшее время. Задача номер один – проститься с коллегами и друзьями как положено, чтобы потом не стыдно было смотреть... Кому я собрался смотреть в глаза? В переселение душ я не верю, в то, что мы встретимся на небесах – тоже. Надо, чтобы было не стыдно смотреть в глаза самому себе.

Я сходил за инструментами, благо в добавок к медпункту в нашей сверхсовременной лаборатории нашлось место для чуланчика с лопатами, граблями и тому подобным богатством, и начал копать. От идеи выкопать девять полноценных могил я отказался сразу, а когда заныли спина и руки, то понял, что и на неполноценные меня не хватит. Решил

делать братскую.

Закончил я только к вечеру.

Устал так, как не уставал никогда в жизни, всё тело гудит, спина не разгибается, а ладони представляют из себя одну большую мозоль – перчатки не помогли. Но мысль о том, что на сегодня хватит, даже не появилась. Я же не знаю, сколько осталось мне самому: надо делать дела, пока есть такая возможность.

Сходив до медпункта, я обработал ладони обезболивающей мазью и плотно забинтовал, натянул новые перчатки, после чего продолжил. Уложив девять тел вплотную друг к другу, снова взял в руки лопату и забросал их землёй. Программа минимум выполнена. К тому же уже практически стемнело, так что пора укрываться за крепкими стенами лаборатории.

Я зашёл внутрь, кое-как доковылял до холодильника, взял пару тёмно-бордовых плодов, по вкусу очень похожих на бородинский хлеб и съел их, запивая водой. Мыслей – ноль. Челюсти двигаются автоматически, а глаза слипаются. Так что, закончив ужин, я сразу же пошёл к своей койке и повалился на неё без сил. Знаю, надо умыться, принять душ, но я не смог себя заставить. Всё завтра.

Если проснусь.

Всё-таки проснулся. И в первое мгновение пожалел, что это случилось: болит каждая клеточка тела. А когда в голове

всплыли события вчерашнего дня, то стало ещё хуже.

«Я остался один, я остался один, я остался один», – бежит в голове бесконечная строчка.

Я как будто только сейчас осознал этот факт до конца.

Я жалею себя и не могу заставить тело приподняться, а ноги опуститься на пол. Я не вижу в этом никакого смысла. Я не просто остался один, я остался один без единой, даже самый призрачной, надежды. Я могу продолжать пить и есть только чтобы продлить своё существование на какое-то время. Но ведь это будет самообман... Мне не нужна жизнь без цели.

С другой стороны, что ещё мне остаётся? Лежать здесь в ожидании смерти от голода? Это уж совсем глупо...

Что я имею на данный момент?

Цель максимум – вернуться домой. Недостижима.

Цель минимум – выжить. Если не заикливаться на сроках, то вполне реалистична.

Вывод: я могу сделать целью своей жизни её сохранение в течение максимально возможного времени и таким образом придать ей смысл. И пусть за этим дальше ничего не последует, я просто не буду заглядывать в это «дальше» и всё. Буду ставить перед собой простые и понятные задачи и методично их выполнять. Вот например, что мне надо сделать сегодня? Еды хватит на неделю минимум, воды... Вот! Надо принять душ. А это значит: натаскать достаточно воды, процедить её, пропустить через фильтры, залить в бак. Это уже

на пару часов работы.

А потом мне нужно закончить с похоронами. Нужен памятник. Пусть никто и никогда не принесёт цветы на могилы моих коллег и друзей, не посидит молча на скамейке, не помянет карамелькой, но памятник над ними стоять будет.

Вот тебе и ещё одна цель, причём очень даже достойная. И я знаю, что им всё равно. Мне – нет.

Я потянулся вперёд. Но не смог приподняться даже на миллиметр. Попробовал помочь себе руками, но не сдвинул их с места. Только тут я понял, что тело уже не болит, я его просто не чувствую. Как будто его и нет вовсе.

Где-то внутри зародилась паника и начала с бешеной скоростью расползаться по телу, она почти добралась до мозговых клеток, но в последний момент я ухватил её за шкуру и не позволил пролезть дальше.

Я ведь вижу потолок, стены, значит, глаза у меня есть. А глаза без головы и того, к чему она крепится, существовать не могут. Вариант с запертой в брэнном теле душой я рассматривать не буду – не те взгляды на жизнь. Надо успокоиться и проанализировать происходящее.

Я ещё раз попробовал пошевелить всеми возможными мышцами и пришёл к выводу, что они меня не слушаются, будто замороженные или... одеревеневшие. Тут в памяти всплыли затвердевшие тела погибших от неизвестной болезни товарищей, и я подумал, что, наверное, именно так они должны были себя чувствовать.

Значит, я тоже заболел. Почему-то не сразу, и почему-то без летального исхода. А раз так, то я ещё могу выкарабкаться. Плохо, конечно, что от меня ничего не зависит, но выбирать не приходится...

Интересно, а кожа у меня уже чёрная или ещё нет?

Пролежал, не двигаясь, весь день, то проваливаясь в забытье, то выныривая из него и стараясь надышаться, пытаюсь пошевелить хотя бы пальцем, да хотя бы прикрыть веки... Всё тщетно.

Я видел сны о прошлой жизни: лежал на горячей черноморской гальке и наблюдал за носящимися туда-сюда чайками, сдавал экзамены в универе, ловил рыбу с отцом с укрытого бетоном берега водохранилища, сидел на скамейке у могилы матери. Я жил в фантазиях о будущем: запускал с дочкой воздушного змея, получал Нобелевку за неизмеримый вклад в развитие науки, в рваной и грязной одежде шнырял по мусоркам в поисках еды, с высоко поднятой головой встречал пули, вылетающие из стволов расстрельной команды. Бездумно смотрел перед собой, отгоняя от себя и плохие, и хорошие мысли...

Не знаю, сколько прошло времени, когда я в очередной раз пришёл в себя и не увидел перед собой матового белого потолка. Какое-то время я не испытывал по этому поводу никаких эмоций, потом подумал, что, наверное, это очередной и последний отрезок дороги на тот свет, и я потерял зрение. И даже не испытал страха по этому поводу: бояться

неизбежного – что может быть глупее. Да и устал я уже...

Но вдруг чернота пропала, и я снова увидел потолок. Лежу, смотрю, ничего не понимаю. Опять стало темно буквально на секунду, снова потолок... Да я же моргаю! Просто очень медленно. Но дело тут не в скорости, а в самом факте. Начали работать мышцы, пусть пока только век, но начало положено!

Я оказался прав: через какое-то время кончики пальцев напомнили о себе болезненным покалыванием, потом я смог ими пошевелить...

И тут пошло-поехало! Благословенная боль растекается по всему телу, иголки впиваются в кожу, заставляют кровь бежать по капиллярам и венам, то один, то другой мускул сокращается, сначала непроизвольно, а потом подчиняясь приказам.

Через чёртову прорву времени – я даже успел несколько раз вздремнуть – у меня получилось сдвинуться с места. Не очень, правда, удачно: слетел с койки и упал на пол.

Но не расстроился вообще. Это победа! Это, ..., значит, что я оказался крепче инопланетной заразы! Я круче этой адской планеты!

И теперь-то я уж точно не сдамся просто так, не опущу руки, не буду покорно ждать конца!

Я решил, что возвращение домой недостижимая цель? Но что может быть достойней для учёного, чем стремиться достичь недостижимого?!

На восстановление ушло несколько дней. Я ел и пил, исходил всё здание вдоль и поперёк, сначала держась за стенки, а потом и без опоры, тренировал мозги проверяя и перепроверяя расчёты, строя модели будущих экспериментов.

Утром пятого дня я решил, что пришла пора приступить к тому, чем я собирался заняться в первую очередь: установить памятник.

Но прежде я с десятков раз сходил до ручья, наполнил водой большой бак и наконец-то принял душ. Затем переоделся в чистое и облазил всё здание в поисках чего-нибудь, из чего можно сделать памятник. В итоге выбор пал на пластиковую столешницу одного из обеденных столов – толстая, долговечная и очень красивая, под мрамор. Подходящих электрических инструментов не нашлось, так что я вооружился обычным молотком, ножом и отвёртками и начал выбивать на оказавшейся очень прочной поверхности стола имена и фамилии всех тридцати двух человек.

Работа непривычная, и неожиданно тяжёлая, но я не отступаю и вгрызаюсь в пластик, увековечивая на гладкой поверхности всех тех, кто ушёл раньше меня. Конечно, «увековечиваю» громко сказано, но, думаю, лет сто-двести этот памятник простоит. Может, его даже увидят наши потомки... Если повторят наше случайное достижение.

Я закончил работу на второй день и довольно долго просидел, не решаясь выбить последнее имя – «Синицкий Виктор», но всё-таки добавил и его. Не смог отказать себе в ма-

люсеньком проявлении тщеславия и буквами помельче напротив своего имени выцарапал: «Последний выживший». Думаю, потомки догадаются, что именно «последний выживший» сотворил этот надгробный камень. Моего тела под ним не будет, ну да это не главное.

Поразмышляв ещё немного, в самом низу я нацарапал: «Земля, Россия, Заслон, 2038 г.».

На этом закончил.

День клонится к вечеру, но ещё светло, так что я вынес плиту наружу и вкопал в землю. Положил с обеих сторон несколько камней, решил, что надо будет натаскать ещё.

Но это завтра. А сегодня я наконец-то попрощаюсь.

Молить я не знаю, да и не знаю, во что верили мои коллеги и верили ли вообще... Но кто-то верил наверняка. Потому я своими словами обратился к высшему разуму и попросил принять у себя все тридцать две души и самому разобраться, кого направить на частный суд, кого в барзах, а кто получит очередную реинкарнацию или просто небытие.

Я ушёл от могил, когда стало почти совсем темно, и всё вокруг наполнилось звуками ночи.

Утро началось с повседневных дел: я приготовил завтрак, наносил воды, прибрался в лаборатории. Потом натаскал ещё камней и обложил могильную плиту с обеих сторон – так-то понадежней будет.

Что теперь? Работа по основной специальности.

Я посмотрел на плиту, на выбитую первой фамилию «Григоренко» и проговорил, громко, чтобы услышали все вокруг: – Всё будет, Александр Ильич. Мы же лучшие в своём деле.

Я проверил батареи – заполнены под завязку. Прошёл в лабораторию, подготовил всё необходимое и занял привычное место у пульта управления.

– Итак, что у нас с показателями? – спросил я, обращаясь к самому себе, и сам же ответил: – Однёрка – норма, двойка – норма, тройка – норма, четвёрка – норма, пятёрка – норма. Готовы, господин Синица.

Ключ, код, «Пуск», тумблер... На экране начали сменяться цифры обратного отсчёта.

Одновременно с нулём от верхней части колонны к многострадальному стеатитовому кубику протянулся лазерный луч.

***

В первые дни местная живность крайне редко забредала на землю чужого для неё мира. Наверное, это было что-то на уровне инстинктов – хочешь жить, не лезь в чужой дом. А тут и земля другая, и трава, и даже формы жизни неизвестные. Правда, наши родные муравьишки и паучки, которым не повезло перенестись вместе с нами, были против аборигенов, что мышки против филина...

Но через некоторое время мы стали замечать, что нет-

нет да и промелькнёт среди кустов сирени хитиновая спина радужного жука пару ладоней в длину или прошелестит в пошедшей в рост газонной травке мелкая чёрно-оранжевая змейка. А по периметру начали прорастать побеги очень похожего на смесь бамбука и папоротника растения. В общем, захват территории местной фауной и флорой был делом времени.

В тот день на крышу здания лаборатории приземлилось ранее никогда не залетавшее в эти места насекомое. Вообще, этот вид жил в горах, этого же представителя прихватил с собой небольшой смерч и закинул в самый центр джунглей. Эта особь оказалась ещё и беременной, если так можно выразиться, а выпускать потомство из полостей в брюшке она должна непременно на твёрдой, максимально устойчивой к внешним воздействиям поверхности. Именно такой будущей родительнице показалась крыша лаборатории, куда она и опустилась. Правда, приземление произошло не на плите перекрытия, а на гладкой поверхности солнечных батарей.

И началось таинство рождения новой жизни.

Крепкие пластины на брюшке разошлись, и наружу посыпались мягкие матовые чёрные шарики, каждый из которых должен будет стать копией своей мамы или папы, если, конечно, его не слопают кто-нибудь из сотен соседей по пищевой цепочке. Потом мама-жук лапками собрала их в одну кучку и опустилась сверху, накрыв весь выводок, словно кол-

паком. После этого начался следующий этап – мама освободила накопленное в био-аккумуляторах электричество. Это должно было превратить поверхность вокруг неё и саму её в стерильно чистый и почти несокрушимый инкубатор, из которого через некоторое время будут выбираться наружу уже подросшие молодые жуки.

Но под ней оказался не привычный камень, а солнечные батареи, которые не спеклись, а поглотили весь заряд, что стало для них равносильно удару молнии. В сети лаборатории произошёл мощный скачок напряжения.

И случился он как раз в тот момент, когда возник лазерный луч...

***

Показатели всех приборов и датчиков знакомо прыгнули, а свет погас. Но только на этот раз он не загорелся снова через секунду, и я остался в полной темноте – аккумуляторы-то пустые, генератору работать не на чем. А через секунду темнота стала не самой актуальной проблемой.

Корпус лаборатории вздрогнул, заворчал, захрипел и грузно осел, выдохнув из всех щелей и технологических отверстий облачка пыли. Я их не увидел, но почувствовал, как запершило в горле и стало сухо в носу. Я закрыл рот ладонью и закашлялся, потом медленно пошёл в ту сторону, где должна быть дверь. К счастью, угадал с направлением и, сделав несколько шагов, нащупал ручку. Дверь открылась туго-

вато, видимо её всё-таки слегка повело, я выбрался в другую комнату. Там так же темно, но дорога одна – только прямо. Через считанные секунды я открыл очередную дверь и оказался в коридоре, где уже светлее из-за узких матовых окон в его конце. Я, как смог, осмотрелся, но ничего сверхординарного не разглядел: знакомые стены, пол и потолок, трещин нет, разрушений тоже.

Я пошёл на выход, подумав, что оценить произошедшее смогу только снаружи.

Входная дверь открываться отказалась. Пусть у неё косяк покрепче, чем лабораторной, но, видимо, внешние стены приняли на себя основной удар и подверглись большей деформации. Я ещё немного попинал дверь, потолкал её плечом и даже попробовал приподнять, вцепившись в ручку, но тщетно. Вспомнил, что в дальнем конце правого крыла у нас имеется запасный выход, которым мы пользовались всего пару раз во время учебной тревоги.

Минуту спустя я открыл дверь, за которой должен был находиться ведущий наружу коридор...

Стены обрываются через пару метров, а никакого запасного выхода нет и в помине. Гладкая, похожая на глину, поверхность тянется метров на пятьдесят, плавно загибаясь, и затем переходит в такую же глиняную стену, всё круче уходящую вверх. Словно великан зачерпнул порцию почвы огромной ложкой для мороженого. Отвесная стена тоже гладкая, но ближе к вершине в ней виднеются разнокалиберные от-

верстия, похожие на выходы труб.

Я задрал голову вверх и, приложив ладонь к глазам, взглянул на солнце. Не оранжевое, к которому я уже успел привыкнуть, а почти белое. Небо голубое с редкими облаками, а не светло-сиреневое. Я потянул воздух носом... Запах... Запах знакомый...

Знакомый, но невозможный.

Вдруг сверху вниз, затапливая котлован, полился звук сирены. Из-за кромки обрыва показались пяток дронов, которые нырнули вниз и начали виться вокруг лаборатории.

Я сделал несколько шагов вперёд, так чтобы меня можно было увидеть, и тут же ко мне свернул один из них. Он немного повисел метрах в трёх надо мной, потом спустился ниже и завис на уровне лица.

– Назовите себя, – раздался из динамика женский голос.

Слова никак не могут вырваться наружу, руки трясутся, слёзы вот-вот покатятся из глаз...

Но я не могу себе этого позволить. Это потом. Потом у меня будет много времени для переживаний, а сейчас... Я крепко-крепко зажмурился, напрягся, как только мог, потом расслабился и выдал громко и чётко:

– Сначала главное: нужно оборудование карантинной зоны по классу «Альфа» в кратчайшие сроки. Это понятно?

– Принято, – после секундной заминки, ответила девушка. – Назовите себя.

– Сии... – начал было я, но остановился.

Я же не знаю, кто со мной разговаривает, и можно ли им знать, кто я и откуда.

– Идентифицируйте себя, – снова потребовала девушка.

Ну уж нет, не так просто.

– Извините, но я не знаю, обладаете ли вы необходимым допуском для получения данной информации. Я вообще не знаю, кто вы.

Возникла небольшая пауза, после которой женский голос сменился на мужской:

– Меня зовут Грымов Анатолий Робертович, руководитель лабораторного комплекса «Птичий базар». У меня есть допуск. Говорите.

– Голос знакомый, но хотелось бы увидеть лицо, – не сдался я. – И документ тоже.

– Резонно, – ответил Грымов. – Пять минут.

Прошло и правда совсем немного времени, когда сверху спустился ещё один дрон, только на этот раз с большим планшетом, закреплённым над камерой. С экрана на меня взглянул мужчина лет шестидесяти с лихо загнутыми усами и седой шевелюрой. Он поднёс поближе развёрнутое удостоверение так, чтобы я разглядел, что в нём написано.

– Спасибо, – произнёс я. – Синицкий Виктор Андреевич, младший научный сотрудник исследовательской лаборатории «Олуша-1215» компании «Заслон».

Грымов кивнул и сказал:

– Кратко.

Краткость – моё второе имя, так что я уложился в пару предложений:

– Эксперимент по проекту «Нырок» прошёл нештатно, в результате корпус лаборатории и прилегающая территория были перемещены в пространстве. Направление и дистанция неизвестны, но по всем признакам это была экзопланета, обитаемая, но без разумной жизни. В результате повторного эксперимента произошло обратное перемещение, но меньшего объёма материи.

Я замолчал.

– Справа от центрального входа – кладбище? – спросил Грымов.

– Да. Я – единственный выживший. Причины смерти различные, но есть среди них и биологическое заражение. Поэтому я сказал насчёт карантина. Плюс на территории вполне могут быть представители внеземных форм жизни.

– Понятно, мы уже работаем.

Ну, раз «Заслон» работает, значит всё и правда будет сделано так быстро, как это возможно.

Я посмотрел наверх и увидел, что над обрывом уже вытянулись стрелы кранов, которые начали опускать части каркаса и роботов-строителей. Потом всё это дело накроют непроницаемым пластиком, оборудуют вход и жилой модуль для меня, в котором мне придётся провести ещё неизвестно сколько времени.

Затем, я так думаю, вокруг лаборатории соорудят полно-

ценный саркофаг, который на какое-то время станет центром исследования внеземной жизни. А когда-нибудь он превратится в мемориальный комплекс, мавзолей для тридцати двух погибших человек.

Уж я-то постараюсь, чтобы именно так это и произошло.

Сверху на крышу лаборатории опустилась мелкая птица и запела. Я пригляделся: желтая грудка.

Тёзка пожаловала...